

На правах рукописи

У Юйцунцзы

У Юйцунцзы

**Коммуникативно-прагматические аспекты функционирования
политических эвфемизмов в русскоязычных СМИ**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» на кафедре общего и русского языкознания

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Китанина Элла Анатольевна

Официальные оппоненты:

Клушина Наталья Ивановна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», кафедра стилистики русского языка, профессор

Касьянова Людмила Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева», кафедра русского языка, профессор

Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится 20 марта 2024 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета 24.2.292.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», по адресу: 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» и на официальном сайте: <http://www.pushkin.institute>

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»: https://www.pushkin.institute/sciences/dissovet/detail-element_id-32385/

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Китанина Элла Анатольевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию состояния развития системы политических эвфемизмов в русском языке, а также изучению коммуникативно-прагматических характеристик эвфемистических субститутов, представленных в электронных периодических изданиях – русскоязычных СМИ.

Актуальность диссертационного исследования определяется следующим: в большинстве диссертаций, посвященных феномену эвфемии, никак не затрагивается вопрос о тенденциях развития системы политических эвфемизмов (как на уровне микродиахронии, так и на уровне макродиахронии). Изучение политических эвфемизмов в разные периоды их развития дает возможность увидеть тенденции развития языка политической коммуникации. При этом необходимым вспомогательным методологическим инструментарием, с нашей точки зрения, являются элементы количественно-статистического подхода. В этой связи приобретает особое значение вопрос разработки методики корпусного описания динамических особенностей политических эвфемизмов.

Объектом настоящего исследования выступают политические эвфемизмы, появившиеся и/или употребляющиеся в русском языке в трех выделенных нами периодах: 1964–1982 гг. (в основном это период руководства страной Л.И. Брежневым), 1983–1999 гг. (в основном это период руководства страной М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным) и 2000–2023 гг. (новейший период, период руководства страной В.В. Путиным). В диссертации рассматриваются эвфемизмы уровня слова, а также двух-, трех- и четырехкомпонентного словосочетания.

Предметом исследования являются динамические процессы в системе политических эвфемизмов на лексико-семантическом и прагматическом уровнях.

Цель работы заключается в описании основных тенденций эволюции политических эвфемизмов русского языка, выявлении изменения продуктивности способов образования политических эвфемизмов и доминирующих сфер их использования.

В соответствии с целью определены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть общетеоретические аспекты политических эвфемизмов: определение, признаки идентификации, функции и классификации политических эвфемизмов.
2. Выявить и описать политические эвфемизмы как средства речевого воздействия на массовую аудиторию.
3. Собрать и оформить репрезентативный корпус языковых материалов, демонстрирующих функционирование политических эвфемизмов в трех выделенных периодах исследования.
4. Систематизировать существующие тематические классификации и разработать собственную классификацию.
5. Выделить группы политических эвфемизмов по заданным признакам (способу образования).

6. Отследить, объяснить динамику изменений внутри групп исследуемых эвфемизмов в трех рассматриваемых периодах.

В нашем исследовании мы хотим верифицировать основную **гипотезу**, которую можно сформулировать следующим образом: Политические эвфемизмы – подвижная лексическая система, репрезентирующая политическую реальность прошлого и настоящего, которая связывает коммуникативную интенцию политического субъекта с массовой аудиторией. Более активное употребление политические эвфемизмы находят в значимых сферах (тематических группах); продуктивность и динамика изменения соотношения политических эвфемизмов различных групп изменчива в данных периодах.

Теоретическо-методологической базы исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых:

1. По теории политической эвфемии [Кацев 1977]; [Neaman, Silver 1990]; [Rawson 1995]; [Holder 1996]; [Enright 1985]; [Крысин 1994]; [Темирбаева 1991]; [Тюрина 1998]; [Allan, BurrIDGE 1991]; [Ayto 2000]; [Обвинцева 2004]; [Ковшова 2007]; [Москвин 2001, 2007]; [Иванян (ранее – Сеничкина) 2012, 2022]; [Саакян 2010, 2019]; [Шейгал 2000]; [Мухамедьянова 2005, 2009]; [Цатурян 2020]; [Морозова 2022]; [Пастухова 2019] и др.

2. По теории коммуникации и речевого воздействия [Арутюнова 1981, 1988]; [Тарасов 1990]; [Карасик 1991]; [Федорова 1991]; [ван Дейк 1994]; [Иссерс 2003, 2009]; [Кара-Мурза 2000, 2001]; [Стернин 2001]; [Баскова 2006, 2009]; [Шелестюк 2015]; [Китанина 2005, 2016, 2021]; [Катышев 2019, 2020]; [Боженкова 2020]; [Корчевская 2012]; [Клушина 2012, 2018, 2021]; [Иванова 2018, 2021]; [Миронина 2012]; [Пастухова 2019] и др.

3. По диахронному описанию отдельных лексем и групп лексем [Ларин 1961]; [Костомаров 1999]; [Земская 1996, 2000]; [Валгина 2003]; [Ботороева 2011]; [Реформатский 2000]; [Маслов 1987]; [Скляревская 2001]; [Шапошников 2010]; [Волошина 2016]; [Вепрева, Куприна 2021]; [Яфарова 2016]; [Кузьмина 2020] и др.

Материалом для исследования политических эвфемизмов служат следующие газеты:

1. Для периода с 1964 по 1982 гг.: «Правда»; «Известия».
2. Для периода с 1983 по 1999 гг.: «Правда»; «Известия»; «АиФ»; «Коммерсант»; «Российская газета».
3. Для периода с 2000 по 2023 гг.: «Правда»; «Известия»; «АиФ»; «Коммерсант»; «Российская газета»; «Комсомольская правда».

Электронные версии газет «Правда»; «Известия» и «Российская газета» были представлены в базе данных «East view»¹. Выпуски газет «АиФ», «Коммерсант» и «Комсомольская правда» представлены в Национальном корпусе русского языка (газетный подкорпус²). Такой выбор источников обусловлен той причиной, что данные газеты являются наиболее

¹ <https://dlib.eastview.com/basic/details>

² <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggDMAE%3D>

влиятельными и популярными изданиями в советское и постсоветское время. С учётом выделенных временных промежутков (периодов) было собрано и проанализировано более 1000 языковых единиц. 171 единица в период 1; 234 единицы в период 2; 688 единиц в период 3. Итого: 1093 языковые единицы.

Основными **методами** исследования являются:

1. Общеетеоретические методы (метод дефиниции и классификации).
2. Метод количественно-статистической обработки языковых материалов (определение частоты и отслеживание динамики употребления политических эвфемизмов в выделенные автором периоды. Полученные эмпирическим путем данные обрабатывались количественно с помощью программы MS Excel, БД НКРЯ и Eastview).
3. Метод контекстуального анализа (выявление скрытых коммуникативных намерений адресантов в определенном контексте).
4. Сопоставительный метод (трансформационный анализ коммуникативно-прагматических особенностей политических эвфемизмов в диахронии).

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в том, что в диахроническом плане представлены тенденции изменений состава политических эвфемизмов как на уровне семантики отдельных эвфемистических единиц, так и на уровне эволюционной смены целых лексических подсистем. Получены новые сведения о речедейательностном потенциале современных политических эвфемизмов в русском языке, сгруппированы их типологические признаки образования в разные периоды смены исторических эпох и руководства страной.

Теоретическая значимость заключается в создании динамической модели политических эвфемизмов. В диссертационном исследовании проведено системное описание развития политических эвфемизмов (появление самого термина «политический эвфемизм», процесс смены «мертвых» / «стертых» политических эвфемизмов новыми живыми субститутами, тенденции изменения политических эвфемизмов по способам их образования или функционирования с учетом времени их употребления), что расширяет представления о речедейательностной способности политических эвфемизмов. Исследование вносит вклад в развитие теории эвфемии, теории массовой коммуникации и лингвопрагматики.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные выводы и положения могут быть применены в преподавании ряда лингвистических курсов, в частности, лексикологии, стилистики и литературного редактирования, политической лингвистики, практикума о языковой политике государства, теории медиадискурса, лингвистической конфликтологии т.д. Материалы исследования могут быть использованы при составлении учебников нового типа, ориентированных на язык дипломатии и политики, подробная интерпретация политических эвфемизмов и их изменения по способам образования обогащает средства речевого воздействия в политической коммуникации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политические эвфемизмы составляют динамическую систему, которая трансформируется и видоизменяется в разные периоды существования языка. Играя роль «промежуточного звена», политические эвфемизмы связываются историческим процессом с современным социумом, эволюционируют от «стертых» к «истинным».

2. Под политическим эвфемизмом понимается одна из групп эвфемизмов, употребляемая в качестве средства реализации политического корректирования речи, камуфлирования истинного смысла, манипулирования массовым сознанием и продвижения речевого поведения «новояз».

3. Коммуникативно-прагматический аспект политических эвфемизмов состоит в сознательной нейтрализации оценочного восприятия с целью приобретения политической выгоды. Мотивы широкого употребления политических эвфемизмов различны: морально-этические, социальные и коммуникативные.

4. Грамматические способы образования политических эвфемизмов, как правило, связаны с префиксацией и аббревиатурами. Рост эвфемизмов-заимствований связан с усилением влияния английского языка, с усилением тенденции к глобализации. Повышение продуктивности перифраз в эвфемизации тесно связано с возросшей ролью СМИ после 2000 г.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на 2-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы и перспективы развития России: Молодежный взгляд в будущее» (г. Курск, 17–18 октября 2019 года); Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» (г. Москва, 30–31 октября 2020 года); II Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы и современные тенденции развития социально-экономических наук в XXI веке: взгляд молодых ученых» (г. Москва, 17 декабря 2020 года); XVII Березинских чтениях «Языковое бытие человека и этноса» (г. Москва, 24–25 декабря 2020 года); Международной научно-практической студенческой конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики и методики преподавания РКИ» (г. Москва, 28–29 апреля 2022 года); III Международная научно-практическая конференция «Коммуникативные аспекты права и национальной безопасности – communicative aspects of law and national security» (г. Москва, 15 июня 2022 года). Положения диссертационной работы отражены в 7 статьях общим объемом 3.2 п.л., в том числе 4 статьи в журналах, включенных в перечень рецензируемых ВАК РФ.

Структура диссертации включает введение, три главы, заключение, список литературы и словарей (233 наименования), 8 приложений. Общий объем диссертации составляет 214 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность исследования, представлено состояние научной разработанности рассматриваемой темы, выделены объект, предмет, используемый материал и методы работы, определены цель и задачи, а также указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Теоретические предпосылки исследования политических эвфемизмов в лингвистике» посвящена обзору понятия «политический эвфемизм» и истории его развития, раскрыты коммуникативно-прагматические особенности и динамический характер, присущие политическим эвфемизмам. На основании анализа видовых признаков и смежных языковых единиц формулирована собственная дефиниция термина «политический эвфемизм».

В **разделе 1.1 «История возникновения термина «политический эвфемизм»** даются сведения о источнике и тенденциях развития политических эвфемизмов на основании исследований русских и зарубежных ученых.

Понятие «политический эвфемизм» впервые возник в древнегреческом лингвистическом исследовании «Античные риторики». Современные политические эвфемизмы попали во внимание лингвистов со времен войны во Вьетнаме. Ввиду желания создать положительный имидж США и воспроизводить наиболее выгодную картину событий был разработан искусственный «субязык» – вьетлийский, одной из формы политических эвфемизмов (Ср.: «*air support/воздушная поддержка*» вместо «*bombing/бомбардировка*»).

История развития политических эвфемизмов, результаты исследований по вопросам функциональной мотивированности употребления политических эвфемизмов, обзор лексических источников и примеры их использования описаны с опорой на труды русских³ и английских⁴ исследователей.

Изучая лингвистическую литературу последних лет, прослеживаются некоторые отчетливые специфики в исследовании политических эвфемизмов:

1) расширяется диапазон жанровых дискурсов при описании специфики и функционирования политических эвфемизмов (газетно-публицистический, деловой, обиходный и юмористический дискурс);

2) углубляется мультязычность языковых материалов в русских исследованиях (исследования проводятся на материале английского, немецкого, французского, испанского и др. языков);

3) множатся направления изучения политических эвфемизмов (в лингвосомиотическом, лингвокультурологическом и лингвопрагматическом аспекте).

³ См. работы О.П. Обвинцевой, Е.К. Павловой, Е.В. Кипрской, Е.К. Темирбаевой и др.

⁴ См. работы Judith S. Neaman и Carole G. Silver, Н. Rawson, J. Lawrence, R. Holder, K. Allan и K. BurrIDGE, D.J. Enright и др.

В разделе 1.2 «**Политические эвфемизмы: определение и сущность в научном дискурсе**» дается обзор дефиниций термина «политический эвфемизм», раскрываются признаки, присущие собственно политическому эвфемизму, прослеживаются отношения между политическим эвфемизмом и смежными языковыми явлениями.

В подразделе 1.2.1 «**Проблема определения термина «политический эвфемизм» в лингвистической литературе**» предлагаются разнообразные трактовки по исследуемой теме в трудах русских и зарубежных лингвистов.

Изучение политических эвфемизмов связано с понятием *стигмы*, рассмотренным, под которым Н.М. Бердова и Е.Н. Торопцева понимают какой-либо «триггер негативного денотата» в контексте эвфемии. С учетом разной степени трансформации *стигмы* были систематизированы по категориям «смягчение номинации с негативной окраской» и «мелиорации денотата с негативной окраской».

К группе политических эвфемизмов, направленных на смягчение номинации с негативной окраской, относятся назначения вежливости и маскировки. Функция вежливости политических эвфемизмов подчеркнута в работах различных ученых⁵, которые сходятся во мнении, что политические эвфемизмы способны исключить прямую номинацию всего того, чем возможно оскорбить чувства адресата. Касаясь функции маскировки, А.Ю. МIRONИНА⁶ дает четкую трактовку, что «политические эвфемизмы являются прагматически маркированными языковыми единицами, предназначение которых, скорее маскировать содержание высказывания» [МIRONИНА 2012, с. 8].

В группу политических эвфемизмов, направленных на мелиоризацию денотата с негативной окраской, входит манипулирование. Политические эвфемизмы допускают не только смягчение, но и искажение фактической информации (Ср.: *чернобыльская авария* вм. *чернобыльская катастрофа*). Функции политических эвфемизмов состоят в размывании семантического контура прямого обозначения и моделировании «правильного» с позиции адресанта отношения к комментируемому объекту.

Исходя из вышесказанного можно предлагать, что политические эвфемизмы – это слова и выражения, функционирующие на основе замены нежелательных слов и выражений, чтобы скрыть неблагоприятной стороны действительности, и направленные на то, чтобы успокоить чувства адресата и исказить значение лексических единиц с целью достижения интенции коммуникации у адресанта.

В подразделе 1.2.2 «**Критерии идентификации политических эвфемизмов в современном русском языке**» предпринята попытка изучить

⁵ См. работы И.Р. Гальперина, Н.Н. Николаевой, П.С. Левиной.

⁶ МIRONИНА А.Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публичных выступлений Б. Обамы) : дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / МIRONИНА Анна Юрьевна. – Киров, 2012. – 176 с.

и характеризовать общие признаки эвфемизмов и отличительные признаки, присущие только политическим эвфемизмам.

Основываясь на имеющихся традиционных критериях отнесения языковой единицы к эвфемизму⁷ в нашем исследовании выделены три обязательных признака, присущие эвфемизму:

1) обозначение денотата, название которого с точки зрения адресанта вызывает отрицательные ассоциации у данной социальной группы;

2) возможная семантическая неполнота заменяемого слова по сравнению с оригинальным выражением;

3) формальное улучшение денотата по сравнению с денотатом заменяемого слова или выражения. Между словами-антецедентами и заменяемыми словами наличие «смысловая идентичность или близость высказываний», который должна оценивать с точки зрения коммуникативно-прагматического речевого действия.

Далее исследование проникает в выяснение того, по каким признакам можно идентифицировать политические эвфемизмы. Суммированы всего пять признаков идентификации политических эвфемизмов:

1) обращенность к массовому адресату;

2) проявление иницированности политического субъекта;

3) наличие оценочной шкалы и базовой оппозиции «свой-чужой»;

4) речедетальность способность к публичным призывам;

5) наличие грани с дезинформацией.

В подразделе 1.2.3 «Политические эвфемизмы и смежные языковые явления» проведен анализ соотношений между терминами «политический эвфемизм» и сходными с ним языковыми понятиями «политическая корректность», «*doublespeak*», «новояз».

Сходство политкорректности и политической эвфемии, по всей видимости, представляет собой их первичный социально-культурный механизм формирования–табуирование. Мы согласны с мнением В.В. Панина о том, что идеи политической корректности находят свое языковое выражение через «рефлектор» самой политической эвфемии. В связи с этим группа политкорректных слов представляет собой одну из самых продуктивных подгрупп политических эвфемизмов. Акцентируя внимание тоже на различиях данных двух понятий, обнаруживаем, что в отличие политкорректности, роль которой ограничивается созданием «правильных слов», политические эвфемизмы выполняют еще и функцию «искажения фактов», «камуфлирования» и «манипулирования» поведения.

Американский ученый Уильям Д. Лутц установил сходное назначение между *doublespeak* и политическим эвфемизмом в их политической цели: умышленное использование языка в качестве орудия теми, кто находится у

⁷ См. работы С. Видлака, Ю.М. Лотмана, Н.В. Прядильниковой.

власти, для достижения своих целей. Если эвфемизм используется с целью ввести в заблуждение, то может быть отнесен к понятию *doublespeak*⁸.

Базируясь на утверждении Н.Н. Морозова и Т.В. Бойка, мы рассматриваем *doublespeak* как подгруппу политических эвфемизмов, основной целью которых является замена языковых единиц для заблуждения, при этом, в отличие от политкорректных замен, единицы *doublespeak* непонятны без дополнительного контекста. Например, без учета ситуации вспышки коронавируса невозможно узнать, что эвфемизм *неделя внеплановых «каникул»* обозначает принудительную изоляцию дома.

Новояз (англ. Newspeak) в виде лингвистического термина впервые появляется в оруэлловском произведении политического сюжета «1984». С.А. Киселева⁹ оценивает *новояз* как «политкорректную речь, доведенную до предела» [Киселева 2013, с. 95]. Согласно А. Пиперски и С. Пулу *новояз* можно отнести к ряду любого не слишком понятного манипулятивного языка. Выступая в роли промежуточного звена, современный новояз функционирует между сферой идеологического управления и областью политкорректности и эвфемизации. Мы рассматриваем *новояз* как возникшую в русскоязычном коммуникативном пространстве новую форму речевого поведения, в котором используются неологизмы и эвфемизмы, чтобы осуществлять манипулирование общественным сознанием.

Под политическими эвфемизмами в настоящем исследовании понимается особая группа эвфемизмов, которая используется в качестве средства реализации стратегии воздействия в политической коммуникации и выполняет в основном следующие функции: корректирование речи в рамках этического норм, камуфлирование истинного смысла, манипулирование массовым сознанием и формирование речевого поведения.

В разделе 1.3 «Коммуникативно-прагматическая категория политических эвфемизмов» содержится описание прагматических установок в процессе образования политических эвфемизмов и их применения в речевой коммуникации.

Взаимоотношение между политическими эвфемизмами и речевым воздействием оказывается центральным вопросом исследования в коммуникативно-прагматическом аспекте эвфемии. Данный вопрос изучался в работах Ю.С. Басковой. Автор комплексно описывает механизмы манипуляционного воздействия эвфемизмов. Другой ученый Л.Н. Саакян¹⁰ установил связь между эвфемией и речевым убеждением, назвав эвфемию «стратегией непрямого речевого убеждения, которая по форме опирается на

⁸ Lutz D.W. *Doublespeak: From Revenue Enhancement to Terminal Living: How Government, Business, Advertisers, and Others Use Language to Deceive You*. New York, 1989. 290 p.

⁹ Киселева С.А. Образование и развитие понятия *doublespeak* / С. А. Киселева // Наука и школа. 2013. № 6. – С. 94–97.

¹⁰ Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практикенепрямого речевого убеждения : дис. ... канд. филол. наук :10.02.01 / Саакян Левон Николаевич. – Москва, 2010. – 195 с.

принцип коммуникативного сотрудничества, по сути же предполагает словесное доминирование говорящего» [Саакян 2010, с. 27].

В активной полемике относительно понятий *убеждение* и *манипуляция*, мы придерживались взглядов В.И. Карасика на критерии открытости/скрытости воздействия и С.П. Анохиной по принципу направленности вектора бенефактивности и отграничили понятий *убеждение* и *манипуляция*. Определим политический эвфемизм как средство *манипулятивного* воздействия.

На основании предлагаемой Е.В. Шелестюком авторской типологии приемов РВ мы составили собственную картину механизма функционирования политических эвфемизмов:

1) политические эвфемизмы путем *пристрастной селекции аргументов* осуществляют оправдание какой-либо деятельности. Ср.: **«операция по принуждению к миру»** (АиФ, 16 сентября 2008) вместо прямого выражения военной деятельности;

2) политические эвфемизмы посредством *искажения истинных масштабов событий или явлений* минимизируют «проблемную зону» и таким образом реализуют корректировку воспринимаемого адресатом содержания. Напр.: **«...на протяжении последних лет потенциал оборонно-промышленного комплекса "явно недооценивался и недоиспользовался"»** (АиФ, 24 сентября 1998);

3) *размывание и подмена понятий* реализуются в употреблении политических эвфемизмов, конкретнее говоря, посредством семантической редукции и семантической неопределенности. Ср.: **«В коммюнике утверждается, что эта «модернизация» ныне более важна, чем когда-либо»** (Правда, 6 мая 1981). Слово «модернизация» присущее позитивной коннотации, но в данном контексте употребляется для подмены негативного смысла – расширение ядерных сил США в Европе.

Исследование в данном разделе позволяет нам утвердить, что политические эвфемизмы – это мощный инструмент в руках власти и политиков, путем которого они стараются направлять общественное мнение в заданное русло, пользуясь при этом различными приемами.

В разделе 1.4 «Динамические процессы в классе политических эвфемизмов» проанализированы эволюционный характер политических эвфемизмов и основные факторы стимулирования инновации в развитии эвфемистического ряда.

В нашем диссертационном исследовании были выделены два основных фактора, влияющие на динамический процесс политических эвфемизмов.

1. Экстралингвистический фактор. В кругу исследователей эвфемии достигнута общая точка зрения о том, что потребность в эвфемии возникает тогда, когда существует какое-нибудь табу в социуме. Необходимость употребления эвфемизмов утрачивается по мере исчезновения запрета на упоминание в политической жизни какого-то явления. Выделенные нами отрезки времени 1964–1982 гг., 1983–1999 гг. и 2000–2023 гг. принципиально

отличны друг от друга, следовательно, эвфемизмы, которые употребляются в текстах СМИ этих периодов, также качественно отличаются.

2. Лингвистический фактор. В рамках изучения роли лингвистического фактора для развития политических эвфемизмов ключевым показателем является частотность употребления эвфемистических субститутов. Иными словами, чем чаще те или иные эвфемистические единицы употребляются в языке, тем меньше их способность «маскировать» реальность. В качестве примера приведем цепочку понятий *старик: старенький люди → пожилые люди → престарелый люди → люди в возрасте → люди почтенного возраста → ушедшие на заслуженный отдых граждане*. Их механизм преобразования заключается в том, что заменители переходят в заменяемые, а их заменяемые в свою очередь подвергаются замене. В этом процессе продуктивный на данном историческом этапе и обладающий максимальным эвфемистическим потенциалом эвфемизм называется «истинным эвфемизмом».

Различие между экстралингвистическим и лингвистическим фактором, воздействующим на политические эвфемизмы, состоит в том, что под влиянием экстралингвистических факторов эвфемизмы переходят в историзмы, а под влиянием лингвистического фактора эвфемизмы исключаются лишь из активного эвфемистического вокабуляра, переходят в группу «стертых эвфемизмов», т.е. архаизмов. Таким образом, политические эвфемизмы эволюционируют от «стертых» к «истинным» и постоянно закрепляют динамический характер собственного обновления в хронологическом порядке.

Глава 2 «Политические эвфемизмы в русских СМИ разных периодов (функционально-тематические группы)» состоит из трех параграфов. В ней описывается и характеризуется состояние употребления политических эвфемизмов в исследуемых периодах: 1964–1982 гг., 1983–1999 гг. и 2000–2023 гг. Системный анализ функционально-тематических особенностей политических эвфемизмов провидится в рамках четырех базовых тематических групп: 1) внутригосударственные эвфемизмы; 2) внешнеполитические эвфемизмы; 3) экономические эвфемизмы и 4) военные эвфемизмы.

В разделе 2.1 «Политические эвфемизмы (период 1: 1964–1982 гг.)» рассматриваются политические эвфемистические единицы, употребляемые в текстах газет 1964–1982 гг. Они разделены на группы:

1. Политические эвфемизмы, употребляемые во внутривнутриполитической сфере 1964–1982 гг. (изгнание из партийных организаций – *«чистка в верхнем эшелоне»* (Правда, 6 февраля 1980); принудительные меры против пьянства – *«Дополнительно открываются наркологические кабинеты, лечебно-трудовые профилактории»* (Правда, 17 марта 1973); репрессивные меры со стороны властей – *«Никто не судил Сергея Тимофеевича Кучиева. Только при посмертной его реабилитации семья узнала о "десятилетнем заключении»*

без права переписки"» (Известия, 7 декабря 1964); политкорректность – *«оператор машинного доения»* (Известия, 23 января 1980).

2. Политические эвфемизмы, употребляемые во внешнеполитической сфере 1964–1982 гг. (критика в адрес деятельности США – *«крокодиловы слезы»* (Правда, 5 февраля 1982); деятельность разведки – *«особые действия»*, *«скрытые операции»* (Правда, 16 октября 1981), «услуга» (Правда, 4 марта 1980).

3. Политические эвфемизмы, употребляемые в экономической сфере 1964–1982 гг. (ситуация нестабильности в производстве – *«Хотя большинство подмосковных хозяйств достигло высокой культуры земледелия, в области еще значительна пестрота в урожайности»* (Правда, 28 августа 1976); нехватка производства – *«Так поступают и в некоторых других областях, так должны распорядиться все, кто в прошлом году недосеял озимь»* (Правда, 1 марта 1966). Что касается наименования недобросовестного исполнения обязанностей, то мы обнаружили слова *«недогляд»* (Известия, 21 июля 1966) и *«недогрузка»* (Правда, 22 марта 1975).

4. Политические эвфемизмы, употребляемые в военной сфере 1964–1982 гг. (наименование военных действий – *«оказать братскую помощь Афганистану»* (Известия, 3 сентября 1980), *«дружественная помощь СССР Афганистану»* и *«дружеская помощь афганскому народу»* (Правда, 6 февраля 1980); наименование участников военных действий – *«воин-интернационалист»* (Известия, 23 февраля 1981) и *«ограниченный советский воинский контингент»* (Известия, 19 марта 1982).

Благодаря данным лексемам происходит смещение акцента с жестокости войны на ответственность и справедливость военной деятельности, в результате чего эвфемистический эффект обеспечивается и даже при том, что политики могут «корректировать» восприятие войны у читателей.

В разделе 2.2 «Политические эвфемизмы (период 2: 1983–1999 гг.)» комплексно показано распределение функционально-тематических групп политических эвфемизмов в СССР периода перестройки и в России постперестроечного периода.

1. Политические эвфемизмы, употребляемые во внутривнутриполитической сфере 1983–1999 гг. (мятеж или переворот – *«августовский путч»* (АиФ, 11 августа 1999) и *«августовские события»* (Правда, 6 сентября 1991); неадекватное поведение госслужащих – *«...ныне начальник Приморского РОВД Волобуев А.М. предупрежден о неполном служебном соответствии»* (Российская газета, 22 июня 1995) и *«работающий “под столом”»* (АиФ, 21 февраля 1996); неэффективность правительственной работы – *«К сожалению, более вероятен менее оптимистичный вариант развития событий»* (АиФ, 8 ноября 1995); льготы для привилегированных лиц – *«спецраспределитель»* (АиФ, 8 сентября 1990), тайная репрессивная деятельность – *«спецмеры»* (АиФ, 12 сентября 1991) и *«спецуказания»* (Коммерсант, 28 сентября 1999).

2. Политические эвфемизмы, употребляемые во внешнеполитической сфере 1983–1999 гг. (защита своего имиджа в дипломатии – *«Даже парламентское расследование не начато. Выходит, – Ельцингейт – у нас в*

рассрочку» (Правда, 25 октября 1996); косвенная критика действий США по поводу вмешательства США в развитие какой-то страны – *«Вашингтон пытается исподволь подготовить американскую общественность к "новым Вьетнамам", "крестовым походам" против свободолюбивых народов»* (АиФ 23 апреля 1985).

3. Политические эвфемизмы, употребляемые в экономической сфере 1983–1999 гг. (обесценивание вкладов населения – *«Для прочих, у кого зарплата "зависла" в банке, выволить наличку – настоящий "подвиг разведчика"»* (АиФ, 7 октября 1998); обесценивание национальной валюты – *«Все идет как надо. Президент отдыхает. Рубль тоже... Рубль отдыхает...»* (АиФ, 19 августа 1998); курс экономического развития и экономической политики – *«Российская приватизация дала неограниченный контроль директорам в ущерб интересам государства»* (Известия, 3 августа 1995); негативные последствия экономического кризиса – *«Замерли промышленные предприятия»* (АиФ, 9 октября 1996) и *«Центробанк сегодня действует фактически как полевой госпиталь: сначала рассортировал "раненых", потом достал инструменты»* (АиФ, 25 ноября 1998); незаконные экономические действия – *«В результате сделки с приватизированными квартирами неизбежно происходят с «черной» личностью и криминальными историями»* (Известия, 4 апреля 1996).

4. Политические эвфемизмы, употребляемые в военной сфере 1983–1999 гг. (наименование военных действий – *«Одной из причин столкновения стал страх перед территориальным развалом России»* (АиФ, 24 января 1996) и *«"Комплекса мер по решительному оздоровлению обстановки" в Чечне»* (Коммерсант, 2 декабря 1994); обозначение раненых и убитых в военных действиях – *«Вряд ли "чеченский синдром" станет фатальным для нашего общества, но некоторые социальные трудности он создаст»* (АиФ, 21 августа 1996).

В разделе 2.3 «Политические эвфемизмы (период 3: 2000–2023 гг.)» аналогичным образом по тем же группам классифицированы хронологически и приведены соответствующие примеры употребления в текстах СМИ.

1. Политические эвфемизмы, употребляемые во внутриполитической сфере 2000–2023 гг. (деятельность госслужащих и правительства – *«Считаю, что она [работа – У.Ю.] организована ненадлежащим образом»* (КП, 30 апреля 2011); взятка – *«"хабар" за решение вопроса»* (АиФ, 22 февраля 2018); принудительные административные меры – *«домашний режим»* (Известия, 22 января 2021); политкорректность – *«Люди с особыми возможностями – так правильнее, – говорит Надежда Андреева»* (РГ, 26 июля 2022).

2. Политические эвфемизмы, употребляемые во внешнеполитической сфере 2000–2023 гг. (реакция на конфликтные интернациональные взаимоотношения – *«отвечать "той же монетой"»* (Известия, 26 марта 2022) и *«Россия ответила абсолютно симметрично»* (Коммерсант, 2 июля 2001); критические замечания в адрес политиков других стран – *«Трамп – как слон в посудной лавке»* (КП, 2 мая 2017), *«Байденоу пишут кукловоды-неоконы из "глубинного государства"»* (Известия, 18 мая 2022).

3. Политические эвфемизмы, употребляемые в экономической сфере 2000–2023 гг. (застой в экономике – *«российская экономика последние годы вертится "вокруг нуля"»* (22 января 2020); сокращение доходов у населения – *«Зарплаты начали **таять** по пять тысяч в месяц»* (КП, 10 января 2018); повышение цен на товары – *«продукты и товары первой необходимости точно **подскачат** в цене»* (РГ, 22 февраля 2022); обесценивание рубля – *«И стоимость валюты с учетом нового положения, и в торговом балансе, и с учетом оттока капитала, **ищет** свои **равновесные положения**»* (РГ, 10 октября 2014); рост безработицы – *«мероприятия по **оптимизации** производственных процессов и численности сотрудников»* (КП, 23 ноября 2021).

4. Политические эвфемизмы, употребляемые в военной сфере 2000–2023 гг. (наименование военных действий – *«Президент еще раз подробно объяснил, почему и зачем была проведена **операция по принуждению к миру**»* (АиФ, 16 сентября 2008); обозначение раненых и убитых в военных действиях – *«Выходили мы малыми группами, выносили "**двухсотых**", "**трехсотых**"»* (АиФ, 06 мая 2022).

В главе 3 «Специфика функционирования и способы образования политических эвфемизмов в русскоязычных СМИ» определены параметры авторского корпуса для проведения сопоставительного анализа особенностей динамики политических эвфемизмов в разных периодах. Базируясь на данных авторского корпуса, характеризуется динамика употребления способов образования и употребление тематических групп политических эвфемизмов в русском языке.

Раздел 3.1 «Авторская классификация политических эвфемизмов по способу образования» посвящен разработке принципов обобщения языковых способов формирования эвфемистических единиц. С учетом предлагаемых классификаций способов у исследователей Л.П. Крысина (2004), Ю.С. Басковой (2006), Е.П. Иваняна (2022) и О.А. Морозовой (2021) и реального состояния тех или иных способов образования политических эвфемизмов в авторском корпусе, были выделены следующие базовые способы политической эвфемизации: генерализация, заимствование, метафоризация, перифраза, префиксация.

Политические эвфемизмы, образованные при помощи генерализации значения. К группе «генерализация значения» мы относили эвфемизмы-слова и словосочетания, в которых главным словом являются: *меры* (беспрецедентные, соответствующие), *ситуация* (чрезвычайная, беспрецедентная), *действия* (оборонительные, силовые), *акция* (силовая), *события* (апрельские, августовские, январские), *решение* (силовое), *интересы*, *планы* (особые), *ответ* (твердый, решительный, ощутимый), *операция* (силовая, военная, специальная) и т.д.

Политические эвфемизмы, образованные при помощи заимствования. К группе заимствований мы отнесли политические эвфемизмы, которые заимствованы из других языков (Ср.: *флуктуация* из лат. fluctuation – колебание; *конфронтация* из лат. confrontatio – противостояние,

возникающее из-за столкновения интересов, принципов в разных сферах жизни общества и т.д.), а также внутриязыковые заимствования (Напр.: *уйти налево* (на языке заключенных означает 'отойти от воровской группировки и начать честную жизнь'), *заначка* (См. глагол заначивать в значении 'прятать что-либо на себе: в волосах, во рту, в одежде') и т.п.

Политические эвфемизмы, образованные при помощи метафоризации. Анализируя способы эвфемистической субституции, можно отнести следующие категория метафоризации: 1) метеорологическая метафора [ПОЛИТИКА = ПОГОДА] (*заморозки* и *оттепель* показывают отчужденные дипотношения; 2) ассоциативно-коннотативная (цветовая) метафора (*черная деятельность* – вм. преступление; 3) театральная метафора [ПОЛИТИКА = ТЕАТР] (*плясать под американскую дудку* – вм. действовать под указанием США; 4) зоонимическая метафора [ПОЛИТИКА = ЗООПАРК] (*назвать в честь Зеленского новый вид беспозвоночного* – ср. покорность Зеленского); 5) фразеологизм-эвфемизм (Ср.: «*У китайцев, как и у русских, спокон веку повелось – «дать барашка в бумажке», «сунуть нужному человеку», «отблагодарить за помощь»*» (АиФ, 02 марта 2011).

Политические эвфемизмы, образованные при помощи перифраз. В нашем исследовании представлены два разновидности логических перифраз-эвфемизмов в русском языке: 1) перифразы-эвфемизмы на основе отличительной особенности объекта (Ср.: *страна-даунишфтер* вм. страна неудачников, *президент Левински* вм. 'президент Украины В.А. Зеленский'); 2) перифразы-эвфемизмы на основе нежелательной особенности объекта (Ср.: *товары повышенного спроса* вм. дефицит товаров, *переселенцы* вм. беженцы).

Политические эвфемизмы, образованные при помощи префикса. Морфологическая схема, по которой образуются политические эвфемизмы, имеет следующий вид: негативный префикс не- + существительное/прилагательное/наречие. Напр.: «*До сих пор, например, в колхозах и совхозах Молдавии свыше половины маслосемян некондиционны*» (Правда, 22 февраля 1979). Еще одним из морфологических приемов реализации эвфемистического потенциала в политике выступают префиксы с уменьшительным значением. Проиллюстрируем сказанное примерами: 1) приставка *при-* (*приоснановить*); 2) приставка *полу-* (*полутон*); 3) приставка *небез-/небес-* (*небезызвестный*); 4) приставка *недо-* (*недоедавшие*); 5) приставка *под-* (*подрасти*); 6) компонент *спец-* (*спецльготы*).

Раздел 3.2 «Динамика употребления способов образования политических эвфемизмов в русском языке» посвящен исследованию соотношения продуктивности способов образования политических эвфемизмов по каждому выделенным периодам. После описания методики составления авторского корпуса характеризуется продуктивность основных способов образования политических эвфемизмов (префиксация, перифраза, метафоризация, заимствование, генерализация) в трех периодах. Их соотношение показано на рис. 1, рис. 2 и рис. 3.

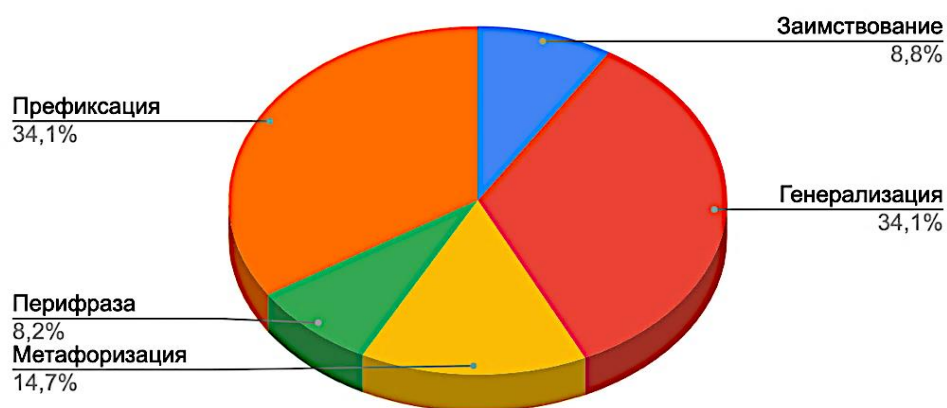

Рис. 1 – Продуктивность способов образования политических эвфемизмов (период 1: 1964–1982 гг.)

В течение 1964–1982 гг. самые распространенные способы – генерализация (34.1%) и равный ему по частотности способ префиксации. Наименее продуктивными оказываются способы перифразы (8.2%) и заимствования (8.8%). В случае использования стратегии (модели) префиксации наиболее часто употребляется приставка *недо-* (эвфемизмы экономической сферы). Считается, что приставка *недо-* наиболее способна скрыть, замаскировать различные вопросы, возникающие в процессе экономико-производственной деятельности: 1) вопрос о количественной нехватке чего-либо. Напр.: «*Бригада рабочих, занятая на погрузке, в нашем разговоре единодушно высказалась: на всех этапах производства кирпича – недоделки, непорядки, недогляд*» (Правда, 4 марта 1980). 2) недостаточная интенсивность (неполнота) действий. См.: «*недоиспользование местных ресурсов*» (Правда, 10 апреля 1981).

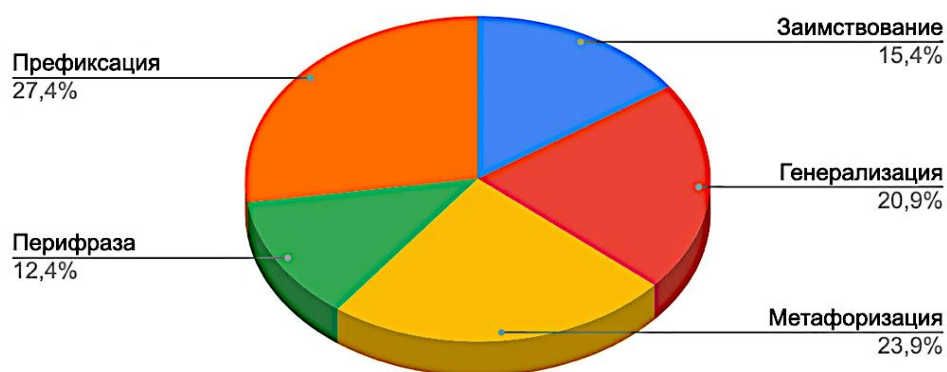

Рис. 2 – Продуктивность способов образования политических эвфемизмов (период 2: 1983–1999 гг.)

На основе проведенного анализа можно отметить, что словообразовательный способ по-прежнему остается самым эффективным способом образования политических эвфемизмов за период 1983–1999 гг. В том числе компонент *спец-* (29 ед. против 40 ед.) проявляет наиболее активный эвфемистический потенциал по сравнению с предыдущим периодом. Более того, политические эвфемизмы с компонентом «*спец-*» наиболее

употребительны во вопросах внутренней политики: 1) привилегия политической элиты (*спецкормушка*); 2) репрессивные действия (*спецконтингент*); 3) наименование органов государственной власти с особыми назначениями и их деятельности (*спецслужба*).

Исходя из статистических подсчетов наблюдается другая тенденция: заимствования в период руководства страной М.С. Горбачевым – Б.Н. Ельциным проявляют наиболее активный эвфемистический потенциал по сравнению с двумя другими периодами. Мы полагаем, что в данный период политика гласности и налаживание отношений со странами Запада служит мощным стимулом для появления заимствований.

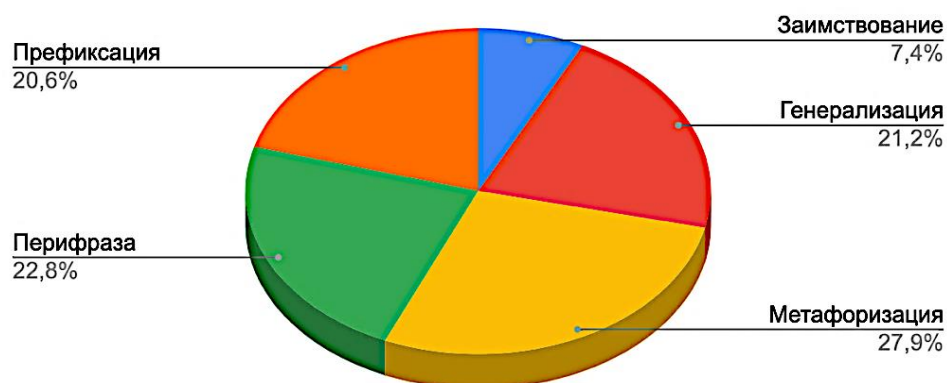

Рис. 3 – Продуктивность способов образования политических эвфемизмов (период 3: 2000–2023 гг.)

Как показывает диаграмма, наиболее продуктивным способом образования политических эвфемизмов в новейший период можно считать метафоризацию (27.9%). На основе более детального анализа продуктивности эвфемизмов-метафор по сферам их употребления можно отметить, что эвфемизмы-метафоры во внешнеполитической сфере оказывается самой большой группой (41%), так как «стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране все чаще вытесняет негативную метафорику в область внешней политики»¹¹ [Чудинов 2008, с. 90]. Наиболее употребительны природоморфные эвфемизмы-метафоры (См.: *гроза* вм. резкое ухудшение международных отношений) и тропоморфные эвфемизмы-метафоры (См.: *захромать* вм. ухудшить дипломатические отношения).

Среди всех способов политической эвфемизации частотность употребления перифраз стремительно возрастет в новейший период. Нам кажется, что резкое повышение эвфемистического потенциала перифраз тесно связано с растущим влиянием современной публицистики. Язык СМИ стал персонифицированным и интенсификация индивидуального авторского стиля способствует росту количества общезыковых эвфемизмов-перифраз.

В разделе 3.3 «Динамика употребления тематических групп политических эвфемизмов в русском языке» обобщены принципы деления

¹¹ Чудинов А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века / А.П. Чудинов. Политическая лингвистика. 2008. – №1 (24). – С. 86–93.

политических эвфемизмов по лексико-семантическим типам в работах разных ученых¹². В связи с тем, что количественное соотношение эвфемизмов разных тематических групп постоянно изменяется по мере изменений в обществе, мы имеем основание утверждать о необходимости изучения сходств и различий тематической классификации политических эвфемизмов в рамках трех периодов.

На основании полученных результатов нашего анализа систематизированы 16 общих понятийных групп, подвергающихся эвфемизации.

1. Политические эвфемизмы, употребляющиеся во внутригосударственной сфере: 1) наименования нестабильного положения в обществе (*январские события* – вм. протесты в Казахстане); 2) наименования, относящиеся к административным решениям и мерам (*специальный режим* – вм. изоляция во время эпидемии); 3) наименования репрессивных органов власти и их деятельности (*спецмеры* – вм. пытки арестованных); 4) наименования состояния деятельности должностных лиц (*доходное место* – вм. место незаконного обогащения); 5) политкорректные наименования социальных групп (*малообеспеченные* – вм. бедные люди).

2. Политические эвфемизмы, употребляющиеся во внешнеполитической сфере: 1) наименования напряженных международных отношений (*"холодный мир"* – вм. ухудшение отношений между двумя странами); 2) наименования критики в адрес руководителей других стран, их заявлений (*люди с непростой репутацией* – вм. бесчестные люди); 3) наименования чужих стран в знак дружелюбия (*банановая республика* – вм. бедная страна).

3. Политические эвфемизмы, связанные с экономическими проблемами: 1) наименования падения курса валюты (*давление на рубль будет расти* – вм. колебание курса обмена валюты); 2) наименования ухудшения ситуации с занятостью (*оптимизировать производственный процесс* – вм. увольнять рабочих); 3) наименования сокращения доходов граждан (*сильные коррективы в структуре доходов населения* – вм. доходы снижаются); 4) наименования негативного экономического состояния (*переломный период* – вм. кризисный период); 5) наименования роста цен (*упорядочивание цен* – вм. повышение цен).

4. Политические эвфемизмы, направленные на описание военной деятельности: 1) наименования военных операций (*открытое столкновение* – вм. воевать); 2) наименования военных оружий (*изделие* – вм. бомба); 3) наименования потерь в военных действиях (*двухсотый* – вм. солдат, погибший на поле боя).

¹² Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи [Текст] / Л.П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1994 (№ 1, 2). – С. 28-49; Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий словарь. Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

Опираясь на собранные материалы, динамику частотности употребления политических эвфемизмов в трех периодах можно представить в виде диаграмм (рис. 4, рис. 5 и рис. 6).

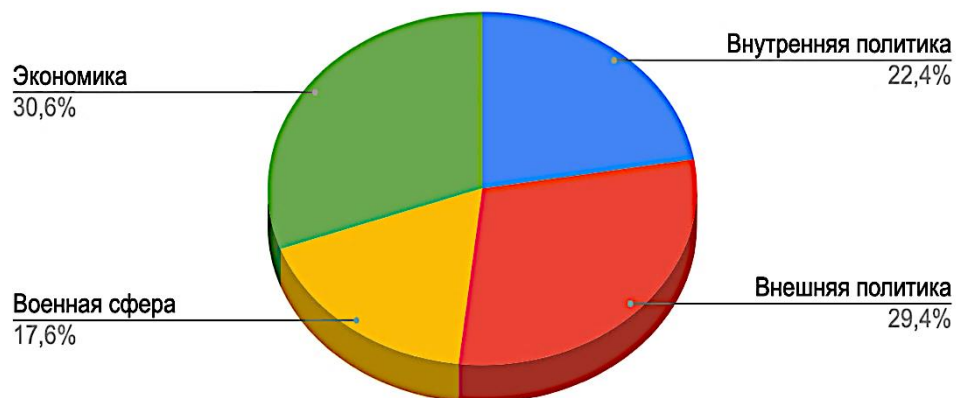

Рис. 4 – Распределение политических эвфемизмов по сферам функционирования (период 1: 1964–1982 гг.)

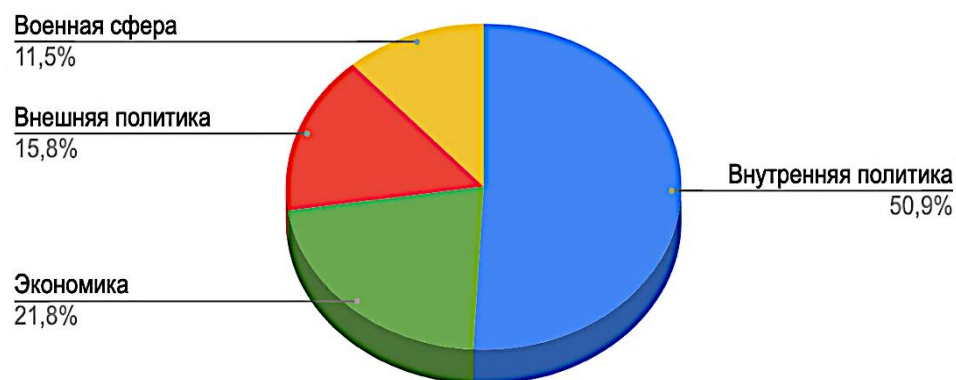

Рис. 5 – Распределение политических эвфемизмов по сферам функционирования (период 2: 1983–1999 гг.)

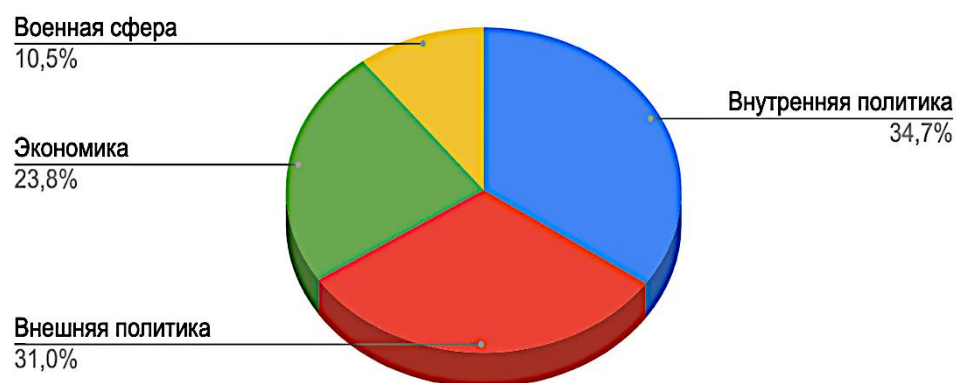

Рис. 6 – Распределение политических эвфемизмов по сферам функционирования (период 3: 2000–2023 гг.)

При сопоставительном анализе данных можно увидеть основные динамические процессы изменения частотности по сферам использования политических эвфемизмов. В период руководства страной Л.И. Брежневым

наиболее актуальны эвфемизмы внешнеполитической (29.4%) и экономической сферы (30.6%), тогда как в период руководства страной М.С. Горбачевым, а затем Б.Н. Ельциным стремительно растет количество эвфемизмов внутригосударственной сферы. Их удельный вес в нашей базе данных составляет 50.9%. В начале XXI века эвфемизация наиболее востребована во внутренней (34.7%) и внешней политике (31%).

В заключении обобщены основные выводы и результаты исследования, представлены перспективы дальнейших исследований по теме.

1. Под политическим эвфемизмом понимается одна группа из эвфемизмов, направленная на смягчение и мелиорацию номинации с негативной окраской. Основными критериями идентификации политических эвфемизмов считаются обращенность к массовому адресату; проявление иницированности политического субъекта; наличие оценочной шкалы и базовой оппозиции «свой-чужой»; речедетельностная способность к публичным призывам; смысловая близость понятий *эвфемизация* и *дезинформация*.

2. С точки зрения коммуникативно-прагматической направленности мотивация использования политических эвфемизмов заключается в стремлении избежать возможной потери лица говорящего (власть и правительства), либо аудитории (отдельные группы населения), либо какой-нибудь третьей стороны (другое государство). Политические эвфемизмы рассматриваются нами как средство *манипулятивного* воздействия, которое путем приемов (пристрастной селекции аргументов, искажения истинных масштабов событий или явлений, размывания и подмены понятий) выполняет функцию корректирования речи в рамках этических норм, камуфлирования истинного смысла, манипулирования массовым сознанием и формирования речевого поведения.

3. Система политических эвфемизмов охватывает четыре базовых сферы: 1) внутригосударственная; 2) внешнеполитическая; 3) экономическая и 4) военная. Под влиянием экстралингвистического и лингвистического факторов количественное соотношение политических эвфемизмов различных тематических групп характеризуется динамичностью в рассмотренных нами трех периодах.

4. Эвфемистический потенциал политических эвфемизмов главным образом обнаруживается в устойчивых стратегиях: генерализация значения, заимствование, метафоризация, перифраза и префиксация. во первый период для образования эвфемизмов чаще всего употребляются способы генерализации и префиксации. Во второй период благодаря политике гласности, реформе рыночной экономики отличительной особенностью является значительное расширение влияния способа заимствований. В нулевые и десятые годы XXI в. метафоризация и перифразы занимают главенствующее место в эвфемизации тесно связаны с развитием СМИ и интенсификацией индивидуального авторского стиля.

Перспективы исследования мы видим в развертывании сравнительно-сопоставительных исследований как на уровне, собственно, макродиахронии, так и на уровне микродиахронии (как в русском, так и других языках).

В **приложении А** представлен краткий тематический словарь-справочник политических эвфемизмов в русскоязычных СМИ.

В **приложении Б** представлены графики распределения политических эвфемизмов по способам образования в трех исследуемых периодах.

В **приложении В** представлены таблицы распределения политических эвфемизмов с компонентами спец-, недо-.

В **приложении Г** представлена графика распределения эвфемизмов-заимствований по сферам функционирования в период 1983–1999 гг.

В **приложении Д** представлены графики распределения источников выборочной совокупности по сферам функционирования в трех исследуемых периодах.

В **приложении Е и Ж** описана методика отбора языковых материалов из баз данных НКРЯ и «East View».

В **приложение З** представлена динамика изменения частотности употребления отдельных политических эвфемизмов по данным «East View».

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобнауки России:

1. Китанина, Э.А. К вопросу о реализации манипулятивной возможности политических эвфемизмов в современном медиадискурсе / Э.А. Китанина, У Юйцунцзы // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 30–35. (0,6 п.л./0,1 п.л.)

2. Китанина, Э.А. Влияние языкового явления doublespeak на формирование речевого имиджа министра иностранных дел России С.В. Лаврова / Э.А. Китанина, У Юйцунцзы // Русский язык за рубежом. – 2021. – № 1(284). – С. 100–105. (0,5 п.л./0,1 п.л.)

3. У Юйцунцзы. К трактовке термина "политический эвфемизм": отличие от сходных лингвистических явлений / У Юйцунцзы // Казанская наука. – 2021. – № 10. – С. 112–114. (0,5 п.л.)

4. У Юйцунцзы. Формирование политических эвфемизмов: этапы, способы, динамика / У Юйцунцзы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 1411–1415. (0,6 п.л.)

Статьи в прочих научных изданиях:

5. У Юйцунцзы. Эвфемизмы и их функционирование в русскоязычных СМИ / У Юйцунцзы // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, – 2019, – С. 285–288. (0,27 п.л.)

6. У Юйцунцзы. Эвфемизмы как средство манипулирования сознанием в политических блогах / У Юйцунцзы // Языковое бытие человека и этноса:

сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений. – Москва: ИНИОН РАН, – 2020. – Вып. 22: – С. 96–101. (0,29 п.л.)

7. У Юйцунцзы. Аксиологический потенциал политических эвфемизмов в СМИ / У Юйцунцзы // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, – 2020. – С. 94–97. (0,27 п.л.)